

Я считаю огромной удачей свое участие в семинаре «Психологические зависимости. Экзистенциальный и феноменологический подходы», который проводил представитель Лондонской школы экзистенциальной психотерапии доктор Саймон дю Плок. До начала занятий, которые проходили в Литовском городе Бирштонасе, на Немане, мне, честно говоря, казалось, по вопросу зависимостей трудно добавить что-то новое, что все можно найти в литературе. Время, которое прошло после этой встречи, позволило мне убедиться, что жизнь продолжается, что даже самых упрямых она меняет, что профессиональный и личный опыт отношения к проблеме психологических зависимостей, знания доктора Саймона, его искреннее желание делиться всем этим — все это высветило данный вопрос для меня по-новому, отделило «зерна от плевел» в моих представлениях. Своим видением этой проблемы сегодня я и хочу с вами поделиться. А коснусь я вопроса наркозависимости, так как проживание этой зависимости молодыми мне приходится наблюдать, быть с ними. Актуально по месту моего жительства. Если увязывать наркопроблему, соотнести ее развитие с эволюцией большого социума — общества, то прослеживается следующее: в нашем прошлом, ровном и «совковом», этой проблемы как бы не было, как не было инвалидов, секса, преступников, бездомных детей и т.д. Ровные шестидесятые и семидесятые годы... Это тогда мы в художественных фильмах смотрели на сказочных героев, которые курили фимиам из кальяна и уносились в своих грезах далеко за пределы действительности. Чудесные превращения, прекрасные видения — думалось тогда. Никто и не помышлял называть это тогда пороком. Не принято было, тем более что этого у нас нет. Затем наступили другие времена. Дозировано кем-то «сверху» было разрешено писать то тут, то там о хулиганстве, «о нехороших», которые позволяли себе курить из Азии привезенное зелье. Родился и был разрешен и признан обществом образ наркомана-хулигана. Изгои восьмидесятых, которых, согласно законам, привлекали за доставку и продажу дурмана. Вспоминаю романы Чингиза Айтматова. Одним из первых советских писателей он презентовал нам такого героя нашего времени. Начался бум борьбы против подобных преступников. Критиковалась и репрессировалась семья такого молодого человека. В оправданиях и компульсиях защиты семья «курилки» от бессилия и позора либо, пока могла, скрывала переживания «облома», либо отказывалась от своего «дитяти», отдавая его на суд общества и Фемиды.

Реяло другое время. Шли грядой реформы. Большой социум упрямо цеплялся за свои светочи. Шли великие девяностые годы. А что же наш наркоман? В порочных допингах числится не только конопля, но и другие вещества, производные таблицы Менделеева. С открытием «железного занавеса», в период перестройки, молодежь «грамотела» не по дням, а по часам. При подходе к барьеру тысячелетий наркопроблема менялась вместе с обществом, а наркоман был признан больным человеком. Естественно, общество, снова защищаясь, переложило основную долю ответственности на последователей Парацельса. А семья бьется в поисках выхода, теперь это —

больничная койка, куда можно уложить «больного отпрыска», иногда даже за свои деньги. Она, семья, опять отчуждает сына — реже дочь, — отказываясь от него, выселяя его иногда в отдельную квартиру, а иногда просто на улицу. Бессилие — с одной стороны, и страх потерять свое социальное лицо — с другой. Взросление проблемы продолжалось.

Если посмотреть на проживание этой зависимости «сегодня и теперь», жизнь предлагает меняться и менять отношение к этому феномену не только медиков, юристов, властных структур, общества и семьи, но и каждого из нас. Т.е. эта проблема глубоко нравственная, а нравы складываются из нрава каждого из нас, живущих сегодня. Эта призма, если мы захотим и сможем, позволит увидеть по-новому все вышеперечисленные аспекты взаимодействия. Наркоман — человек, а не «чел.», как часто приходится слышать от его сверстников. И если все те, кто прикасается и окружает данного зависимого молодого человека, будут укоренять его бытие, помогать строить отношения с миром, а не шарахаться от него, как от прокаженного, то тогда не будет такого «кликушества» по поводу в обсуждениях на разных уровнях. Здорово, что есть в обществе «запредельные люди», которые сегодня двигают проекты, добиваются средств, собрав не один десяток подписей власть имущих для какого-то делания на поле зависимых от героина. Но до чего же грустно констатировать, что общество мало что может в смысле сублимации индивидуальных особенностей молодых, в смысле получения ими навыков радоваться принятыми в обществе способами.

«Культура дается усилием», — считал М. Мамардашвили. «Что делать?» — спрашивал русский классик. Социальные ответы на этот вопрос всем известны. Это и возможность получения образования, это и рабочие места для молодых (в том числе и частичная занятость подростков) с достойной оплатой труда, это организация досуга детей и много чего еще. А даст молодым основу для ощущения укорененности и жизненности, поможет им идентифицироваться, ответить, наконец, на вопрос «кто же я такой?» изменение отношения каждого из нас, живущих рядом, к особенностям и возможностям подросткового и юношеского возраста. И тогда они будут выбирать созидание. Нужно только дать ощутить себя не «жертвой», а субъектом полной жизни, причем не ситуативно, по проектам и смоделированным программам, а в реальности, сейчас.

Теперь о феномене. Психологическое а priori по проблеме зависимостей состоит из двух утверждений. Первое — это описание психологического процесса, происходящего в отдельном индивидууме, которое, как нам иногда может показаться, может помочь объяснить возникновение зависимости. Второе — привыкание — это

психопатологический феномен, который связан с изменением потребностей. Эти утверждения кажутся далекими друг от друга, но в жизни они всегда рядом. И такой подход может служить основой для поддержки человека, зависимого от наркотиков.

Исследователи во благо социального спокойствия выдвигают много рационалистических объяснений и придумывают много теорий об этом патологическом феномене. А на практике, в жизни до сих пор в поле профессионального взаимодействия нет адекватной психологической теории, которая помогала бы основывать терапию на практике. Например, в 1983 г. в Амстердаме 120 человек были признаны сверхпроблемными потребителями наркотиков, и им выписывался наркологами слабый морфий (у нас сегодня есть попытки терапии метадоном). Таким образом государство снимало социальное напряжение и спасало общество от общения с людьми, у которых могли быть кризисы, связанные с изменением психики. А остальные потребляющие наркотики, 8 000 человек, не входили в эту группу — они, выходит, укладывались в норму, не представляя из себя опущенных и асоциальных членов общества.

В то же время американский психиатр Норман Зинберг в своих работах показывает, как мы сами создаем основу для патологического и индивидуального психологического поведения наркомана.

Теперь подойдем к этому феноменологически. Как происходит рождение и утверждение мифа у нас, в пространстве бывшего СНГ? Вот реплики: «все они похожи друг на друга», «черепа, обтянутые кожей», «ходят с выехавшей печенью», «разведут — не заметишь», «все, что не привинчено — уведут», «отморозки — не согреть» и т.д.

Великий русский язык... В этих летучих выражениях есть все черты и особенности отношения общества к зависимым, есть шаблонный подход к людям, у которых, конечно же, разные истории. Но так легче. Потому что (читаем дальше): бесполезно стараться, опасно общаться, лучше от греха подальше, да и души жаль. Да, есть общие признаки и симптомы зависимостей. Но глубокий анализ мира зависимой личности и отношения к ней субъектов общества и явно показывает, что нам как бы хочется думать, что патологические характеристики и предрасположенность к зависимости уже были заложены в этом человеке еще до появления порочной тяги. Легче всё объяснить, а значит — легче жить терапевту, да и родным тоже. Тут и вины меньше, и на судьбу

списать можно. Норман Зинберг все объяснения по поводу компенсаций нерешенных ментальных проблем, ситуаций и обстоятельств жизни, «толкнувших» человека «на крючок», считает ретроспективной фальсификацией. Да и какое значение имеет объяснение, почему парень «сел» на героин? Главное — сего-дняшнее отношение и оказание поддержки этому молодому человеку, а не наши бесконечные когниции по поводу и на тему.

Сейчас, в наше время, отношение общества к зависимой личности складывается явно двусмысленно. С одной стороны — хулиган и преступник, с другой — больной человек. Что касается помощи на сегодняшнем уровне, то у юридических структур механизмы не помощи, а воздействия; понятно — это закон. У здравоохранения возможности ограничены, так как эта группа больных не обеспечена страховыми средствами, коек для них просто нет. Если что и происходит вокруг зависимых, то только усилиями нереализованных личностей, которые защищают проекты, программы, иногда сгущая экзистенциальную карту данного индивида. Атмосфера мира зависимой личности наполняется еще большей безнадежностью. И тогда «кликушество» и квази-помощь не укореняют, а наоборот, отрывают его от жизни. Если человеку часто повторять, что он грязный, потом уже — грязнуля, затем — свинья, то он смиряется с этим, перестает защищаться и, наконец, становится тем, кем его считает общество. Так и эти ребята.

В большом социуме все, кто как-то прикасается, как-то относится к этому переживанию, либо качают из этого дивиденды — в виде признания заслуг, удовлетворения политических амбиций и, конечно, денег (зарплаты — честно, по заслугам, и согласно смете проектов); либо избегают этой проблемы, показывая ее тяжесть и безнадежность.

Тем не менее — жизнь продолжается. Есть уже пласт мо-лодежной субкультуры, в котором свои мифы, законы и принципы. Там все время что-то происходит, что-то меняется. Меняются и сами зависимые. Все, чего мы добились усилиями семьи и общества — это отчуждение этих ребят от семьи, от сверстников, от мира. Хорошо это или плохо? Трудно сказать... Здесь я не хочу заниматься распределением ответственности в большой семье, в которой мы живем. Какие изменения в этом слое молодых видятся мне? Ребята в своей несвободе пытаются быть и выживают сами. Иногда получается. Правда, жизнь контрастно циклоидна. Живут, работают, если повезет, по-своему радуются, по-своему счастливы. А другие, нетронутые «пороком кайфа», сегодня, как видится, с зависимыми конкретно не общаются. Волей-неволей у последних возникают свои «законы чести», которые отвечают их требованиям. Эти

законы иногда не совпадают с требованиями общества. На-пример: «Держите своего сына дома, не выпускайте. Если к нам придет, мы ему все равно дадим дозу. В беде не оставим», — сказал «ветеран порока» родителям, которые пришли искать своего юного сына на «точку». Нам, кто рядом, этот «закон плеча» подсказывает, что в жизни подросткам явно не хватает «плеча» старших, родных, близких и понимающих; что ненатуральной радостью, выделением эндорфина в ответ на яды не объяснить этого явления нашего времени. Т.е. у меня по этому поводу больше вопросов, нежели ответов. И, конечно, сомнений. Но благодаря импульсу, полученному на семинаре, благодаря спонтанности и открытости самого ведущего, Саймона дю Плока, почувствовать которую не помешал даже перевод с английского на русский, я могу смотреть и видеть, могу принять и понять свои зависимости, выработать свою позицию и, что очень важно для меня, прочувствовать возможности своего бытия рядом с молодыми людьми, которых я очень люблю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон И. Психология старшеклассника. М., 1980.
2. Япко М. Депрессия. М., 1996.
3. Мэй Р. Смысл тревоги. М., 1999.
4. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 1994.
5. Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.
6. Шпрангер Э. Психология юношеского возраста. Рига, 1994.

